

Всероссийское СМИ

«Академия педагогических идей «НОВАЦИЯ»

Свидетельство о регистрации Эл №ФС 77-62011 от 05.06.2015 г.

(выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций)

Сайт: akademnova.ru

e-mail: akademnova@mail.ru

Бартенева Т.А. Зинаида Гиппиус: правда и вымысел, или Почему мы изучаем дневниковые записи? // Академия педагогических идей «Новация». Серия: Студенческий научный вестник. – 2016. – № 01(январь). – АРТ 02-эл. – 0,6 п.л. - URL: <http://akademnova.ru/page/875550>

РУБРИКА: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т.А. Бартенева,

студентка 4 курса филологического факультета,

ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет»,

г. Курск,

Российская Федерация

Зинаида Гиппиус: правда и вымысел,

или почему мы изучаем дневниковые записи?

Простят ли чистые герои?

Мы их завет не сберегли.

Мы потеряли всё святое:

И стыд души, и грех земли.

Эти строки принадлежат одной из самых известных, но в то же время самых загадочных женщин России – писательнице и поэтессе Зинаиде Гиппиус.

Обожая всякого рода мистификации, она сама представляла собой явление противоречивое, необъяснимое и парадоксальное. Каждым своим действием, поступком, словом Зинаида Гиппиус словно бросала вызов публике. На первый взгляд могло показаться, что она играет людьми, преднамеренно ставит их в конфузные и нелепые ситуации. Иначе как ещё

мы можем объяснить её знаменитую лорнетку, ожерелье из обручальных колец поклонников и то, как поэтесса встречала гостей, принимая ванну?

Уже более ста лет иконой стиля во всём мире является Габриэль Шанель, более известная как мадмуазель Коко. Именно с её именем современные модницы связывают появление коротких стрижек и металлической бижутерии. В 1920 году Коко Шанель шокировала всех появлением на публике в брюках, считавшихся издавна элементом исключительно мужского гардероба. Мало кто знает о том, что за пятнадцать лет до этого события короткую стрижку в свой обиход ввела Зинаида Николаевна.

Уникальная личность, З.Гиппиус вызывала недоумение у современников: одни её не понимали, другие – попросту боялись, но никто не мог устоять перед этой необыкновенной женщиной. Все признавали её уникальность:

«Единственность Зинаиды Гиппиус.

Да, единственность Зинаиды Гиппиус. Есть люди, которые как будто выделаны машиной, на заводе, выпущены на свет Божий целыми однородными сериями, и есть другие, как бы "ручной работы", -- и такой была Гиппиус. Но помимо ее исключительного своеобразия я, не колеблясь, скажу, что это была самая замечательная женщина, которую пришлось мне на моем веку знать. Не писательница, не поэт, а именно женщина, человек, среди, может быть, и более одаренных поэтесс, которых я встречал.

Думаю, что в литературе она оставила след не такой длительный и прочный, не такой яркий, как принято утверждать. Стихи ее, при всем ее мастерстве, лишены очарования. "Электрические стихи", -- говорил Бунин, и

действительно, эти сухие, выжатые, выкрученные строчки как будто потрескивают и светятся синеватыми искрами. Однако душевная единственность автора обнаруживается в том, что стихотворение Гиппиус можно без подписи узнать среди тысячи других. Эти стихи трудно любить -- и она знала это, - но их трудно и забыть». [1]

Гиппиус позволяла себе всё то, что в силу врождённых предрассудков, общественного мнения или иных причин было недоступно окружающим: вызывающая косметика, мужские наряды, нелепые платья собственного покроя, вызывающие недоумение и косые взгляды жителей не только Петербурга, но и более искушённых в вопросах моды французов.

Всегда неподражаемая, разная, непредсказуемая. В одной своей ипостаси она светская дама, владелица одного из салонов Петербурга – спокойная и размеренная. Но проходит мгновение, и перед нами уже совершенно иная женщина – дерзкая, откровенная спорщица и устроительница дебатов и дискуссий на самые различные темы. Невозможно предугадать, какой же будет Зинаида Гиппиус спустя ещё пару мгновений. Казалось, что реальность и вымысел слились в ней в одно начало, ведь мистификация не покидала её даже в стенах родного дома. Стоит вспомнить хотя бы то, как Зинаида Гиппиус писала своему мужу – Дмитрию Мережковскому, от имени его поклонниц, при этом давая характеристику его творчеству. Но какой же она была на самом деле? Г. Адамович впоследствии напишет «Она хотела казаться тем, чем в действительности не была. Она, прежде всего, хотела именно казаться.». Но это на людях, в обществе, а наедине с собеседником, с глазу на глаз «она становилась человеком ко всему открытым, ни в чём, в сущности, не уверенным и с какой-то неутолимой жаждой, с непогрешимым слухом ко всему, что за неимением

другого, более точного термина, приходится назвать расплывчатым словом «музыка»» [2]

«Большая жемчужина», «белая дьяволица», «ведьма», «чёртова кукла»... Как только ни назвали её современники! Лев Троцкий, борясь с предрассудками, порождаемыми религией, ещё в начале революции напишет иону из своих брошюр. Есть там такие слова: «Пора, товарищи, понять, что никакого Бога нет. Ангелов нет/ Чертей и ведьм нет», а затем, как бы невзначай, напишет: «нет, впрочем, одна ведьма есть – Зинаида Гиппиус».

[3]

З. Гиппиус оказалась не просто погружённой в сплетни и слухи, невероятные истории просто окутали её и без того мистическую личность. Могло сложиться впечатление, что Зинаиду Гиппиус это совершенно не волновало. Но зачастую она сама с удовольствием преумножала те нелепицы, которые витали в обществе. И лишь немногие знали, что за всей этой спесью и парадоксальностью скрывается тонкая и ранимая натура. Возможно, свой отпечаток на жизнь и творчество З. Гиппиус наложила ранняя смерть отца. Уже тогда девочка начнёт задумываться о жизни и смерти, любви и разлуке, а впоследствии напишет: «Смерть тогда, казалось, на всю жизнь завладела моей душой!».

В своём «Самопознании» Н.А. Бердяев говорил о Зинаиде Гиппиус как о замечательном, но в то же время «мучительном» человеке, поражающем своей «змеиной холодностью», вследствие чего несчастном:

«В ней отсутствовала человеческая теплота. Явно была перемешанность женской природы с мужской, и трудно было определить, что сильнее. Было подлинное страдание. Зинаида Николаевна по природе несчастный человек»

[4]

Говоря об этой самой «перемешанности женской природы с мужской», затронутой Н.А. Бердяевым, следует упомянуть о том, что свои критические статьи, к слову сказать, довольно популярные, З. Гиппиус никогда не подписывала настоящим именем. Она пользовалась псевдонимами, причём всегда разными, наиболее популярный среди них - Антон Крайний. Одни восхищались поэтессой, другие боялись её острого языка, некоторые ненавидели, но к мнению Крайнего прислушивались все.

Понять всю разносторонность одной из величайших женщин России – Зинаиды Гиппиус нам помогают не только её стихотворения, романы и рассказы, но и дошедшие до нашего времени дневниковые записи, которые она начала вести ещё в юности.

После распада Советского Союза интерес к изучению дневников значительно возрос. Однако отношение к этому до сих пор остаётся неоднозначным. Зачастую в журналах и блогах появляются статьи авторов, выступающих против изучения дневниковых записей, ведь, по их мнению, там содержится личная, порой даже сакральная информация.

Несмотря ни на что, З.Н. Гиппиус привнесла в наши умы и сердца совершенно иное представление о дневниках. Свои записи она называла «мертвецами, лежащими могиле», то есть Гиппиус подразумевала, что после смерти автора они не должны быть опубликованы.

В дневниках З.Н. Гиппиус «сочетается несочетаемое». Здесь мы видим любовь, размышления, познание мира и самой себя, стремление объяснить свои мысли, чувства, поступки:

«Так я запуталась и так беспомощна, что меня тянет к перу, хочется оправдать себя или хоть объяснить себе, что это такое?» [5]

И вновь парадокс! Дерзкая натура, не боящаяся никакой критики и осуждения, готовая отстаивать свою правоту до последнего – это она в жизни, но что мы видим в дневниках? Буквально с первых страниц возникает типичный женский образ: слабая, немного нервная, но самое страшное – одинокая. Любовь играла огромную роль и в жизни, и в творчестве Зинаиды Николаевны. Именно в ней Гиппиус видела возможность преодоления смерти и слияние с высшим, божественным. Но, наверное, было бы несправедливо акцентировать внимание лишь на этой составляющей.

Из дневников З. Гиппиус мы узнаём и о её настоящей жизни с Мережковским. Одни пускали в адрес их семьи едкие замечания, что Зинаида Николаевна – муж, а Дмитрий Сергеевич – жена, других же искренне удивлял этот союз. Действительно, они прожили вместе более полувека, практически не расставаясь ни на день, однако современники с уверенностью утверждали, что Гиппиус и Мережковский были крайне тесно связаны духовно, но никак не супружески.

Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский поженились, когда ей было 19, а ему 23. Чем же пленил зеленоглазую длинноволосую красавицу серьёзный юноша, зачитывающийся сочинениями Спенсера? Как говорила сама З. Гиппиус, Дмитрий Иванович крайне отличался от всех её кавалеров. В нём она увидела родную душу.

Однако брак этой пары не был столь безоблачным. Частые ссоры, скандалы на бытовой почве изводили обоих супругов. Всё чаще Д. Мережковский ощущал своё одиночество, особенно это чувство обострилось после смерти его матери. Вот как об отношениях с мужем пишет З. Гиппиус:

«Между нами происходили и ссоры, но ссоры, непохожие на обычные, супружеские. Моя беда была в том, что я, особенно в молодости, не умела

найти нужные аргументы, чтобы доказать неправильность его идеи в том или другом его произведении, и оказывалась «побитой».

Один из самых популярных дневников Зинаиды Гиппиус – «Синяя книга» (впоследствии переименован в «Петербургский дневник»). Уезжая из Петрограда, Зинаида Николаевна оставила дневник там и считала его навсегда потерянным. Но жизнь распорядилась иначе. «Синяя книга» переиздавалась в США дважды, но и в России она вызвала огромный резонанс. Неизвестность, невероятное напряжение, осознание грядущих перемен в жизни страны, сломанные судьбы... Всё это не могло и не может не волновать нас, ведь во всём перечисленном – прошлое нашего отечества, а в нём – мы сами.

Интернет – блогер Иван Матвеев справедливо отмечает: «По таким книгам можно изучать историю!».

Сегодня большевики, разведя все мосты, просунули на буксире свои броненосцы по Неве к Смольному. Совершенно еще не встречавшееся безумие. По городу открыто ходят весьма известные германские шпионы. В Смольном они называются: «представители германской и австрийской демократии». Избиение офицеров и юнкеров тоже входило в задачу Бронштейна? Кажется, с моста Мойки сброшено пока только 11, трупы вылавливаются. Убит и князь Туманов, — нашли под мостом.[6]

Всё это представляется для З. Гиппиус как страшный и небывалый кошмар, от которого невозможно скрыться, ведь он сметает всё на своём пути. «Небывалый абсурд происходящего. Такой, что никакая человечность с ним не справляется. Никакое воображение». – напишет она впоследствии.

По-разному русская интеллигенция отреагировала на Первую Мировую войну, ещё более смешанные чувства вызвала у людей революция.

Смятение, ужас, боль, связанные с непониманием происходящего, - всё это и запечатлела «Синяя книга» З. Гиппиус. Во многом записи, приведённые в ней, субъективны, но именно этим они и ценны для исследователя. Мы, словно проникая сквозь призму времени, оказываемся очевидцами тех далёких и роковых событий, происходящих в России.

«Что писать? Можно ли? Ничего нет, кроме одного - война!

Не японская, не турецкая, а мировая. Страшно писать о ней мне, здесь. Она принадлежит всем, истории. Нужна ли обывательская запись?

Да и я, как всякий современник - не могу ни в чем разобраться, ничего не понимаю, ошеломление.

Осталось одно, если писать - простота.

Кажется, что все разыгралось в несколько дней. Но, конечно, нет. Мы не верили потому, что не хотели верить. Но если бы не закрывали глаз...

Меня, в предпоследние дни, поражали петербургские беспорядки. Я не была в городе, но к нам на дачу приезжали самые разнообразные люди и рассказывали, очень подробно, сочувственно... Однако, я ровно ничего не понимала, и чувствовалось, что рассказывающий тоже ничего не понимает. И даже было ясно, что сами волнующиеся рабочие ничего не понимают, хотя разбивают вагоны трамвая, останавливают движение, идет стрельба, скачут казаки.

Выступление без повода, без предлогов, без лозунгов, без смысла... Что за чепуха? Против французских гостей они, что ли? Ничуть. Ни один не мог объяснить, в чем дело. И чего он хочет. Точно они по чьему-то формальному приказу били эти вагоны. Интеллигенция только рот раскрывала -- на нее это, как июльский снег на голову. Да и для всех подпольных революционных организаций, очевидно.» [7]

З.Н. Гиппиус пишет о войне, но, кажется, сама до конца не верит в происходящее. Ведь ещё совсем недавно в городе всё было спокойно, все были счастливы. «Зарядившись патриотическими хождениями по городу», З. Гиппиус сама определила своё отношение к тому, что творилось вокруг. «Быть с несчастной, непонимающей происходящего, толпой, заражаться ее "патриотическими" хождениями по улицам», - так напишет она. [8]

Для З. Гиппиус важно понимать, что такое «война», что значит она для России? Но как и тысячи людей ответов на эти вопросы она найти не могла, хотя отчаянно пыталась.

Пройдёт совсем немного времени, и вместо смятения, растерянности придут совершенно иные чувства. З. Гиппиус попытается выяснить, что значит для неё и для всего русского народа родина, а что значит государство? Она напишет, что в пору, когда интеллигенция растворилась в повсеместном «мы» необходимо обдумать происходящее, а не кричать на каждом углу воинственные лозунги:

«Как будто мы "тоже" Европа, как будто мы смеем (по совести) быть патриотами просто... Любить Россию, если действительно, - то нельзя, как Англию любит англичанин. Тяжкий молот наша любовь... настоящая.

Что такое отечество? Народ или государство? Все вместе. Но, если я ненавижу государство российское? Если оно - против моего народа на моей земле?»[9]

Трагедию страны Гиппиус воспринимает как личную. Все те, кто дорог ей, интересен, к кому она привыкла могут в одночасье оказаться на фронте. З. Гиппиус не принимает такого патриотизма. Её возмущает поведение М.Булгакова, Вяч. Иванова, ведь декадентство, разгром и возвышенные

чувства к родине, по её мнению, не могут сочетаться. [10] Создаётся впечатление, что люди не понимают, что происходит вокруг. Да и откуда им знать правду, если даже в газетах излагаются вещи далёкие от реальности, а в искусстве правит навязываемая пресловутая цензура? Именно поэтому Зинаида Николаевна ведёт подробные записи обо всём происходящем. Она признаётся, что иногда заставляет себя писать, принуждает. Но это необходимо! О крупном трудно солгать, а о мелочах – сколько угодно! З. Гиппиус, понимая и остро переживая всё, что происходит в стране, пытается разъяснить истину и правду окружающим. Но всё безуспешно. З. Гиппиус и раньше не поддерживала власть. Уважала, признавала, но ощущала внутренний протест, сменившийся впоследствии негодованием:

Всё более и более ясные формы принимает наш внутренний ужас, хотя он под покрывалом, и я лишь слепо ощупываю его. Но все-таки я нащупываю, а другие и притронуться не хотят. Едва я открываю рот - как "реальные" политики накидываются на меня с целой тьмой возражений, в которых я, однако, вижу роковую тупость.

Да, и до войны я не любила нашу "парламентскую оппозицию", наших кадетов. И до войны я считала их умными, честными... простофилями, "благородными иностранцами" в России. Чтобы вести себя "по-европейски", - и чтобы это было кстати, - надо позаботиться устроить Европу... Но что я думала до войны -- это неважно, да неважны и мои личные симпатии. Я говорю о теперешнем моменте и думаю о кадетях, о нашей влиятельной думской партии, с точки зрения политической целесообразности. Я сужу их линию поведения, насколько могу объективно и - увы - начинаю видеть ошибки фатальные.[11]

Пройдёт пару лет, и 26 октября 1917 года мы прочтём записи уже совершенно другой З. Гиппиус. В стране никаких изменений: ни побед, ни поражений... Всё статично, однообразно, скучно. Сама З. Гиппиус назовёт это время «штилем», а своё состояние – «общим». «Общее» - значит никакое, пресное, лишённое чувств и эмоций. Зинаида Николаевна задумывается о будущем России. Она уверена, что Россия стоит на пороге революции. Неизвестно, какой она будет, главное, что это неизбежность:

«Мое странное состояние (не пишется о фактах и слухах, и все ничтожно) не мое только состояние: общее. Атмосферное.

В атмосфере глубокий и злоеций ШТИЛЬ. Низкие-низкие тучи -- и тишина.

Никто не сомневается, что будет революция. Никто не знает, какая и когда она будет, и - не ужасно ли? - никто не думает об этом. Оцепенели.

Заботит, что нечего есть, негде жить, но тоже заботит полутупо, оцепенело.

Против самых невероятных, даже не дерзких, а именно не вероятных, шагов правительства нет возмущения, даже нет удивления. Спокойствие... отчаянья. Право, не знаю». [12]

С одной стороны, появление такой талантливой писательницы и бурной мятежницы было совершенно новым для русского читателя, но в то же время оно активно вписывалось в картину окружающего мира. Не для кого не секрет, что являясь представительницей крыла «старших символистов», она во многом предопределила развитие этого движения в России. Дневниковые записи Зинаиды Николаевны Гиппиус поражают и увлекают нас. Но несмотря на то, что интерес к ним огромен и в наше время (причём не только на родине Зинаиды Николаевны, но и далеко за её

пределами), дневники писательницы остаются малоизученными. Конечно же, одной из причин этому служит более, чем полувековой запрет на исследование творчества З.Гиппиус в России.

Дневниковые записи З.Н. Гиппиус проникновенны, искренны, но вместе с тем крайне познавательны. Великая женщина, великий творец, великая в веках. Она говорила о том, о чём остальные боялись даже подумать. Спустя более шестидесяти лет со дня своей кончины, Зинаида Николаевна Гиппиус продолжает будоражить умы своих читателей.

*Простим и мы, и Бог простит,
Но грех прощения не знает,
Он для себя - себя хранит,
Своею кровью кровь смывает,
Себя вовеки не прощает –
Хоть мы простим, и Бог простит.[13]*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Состав и коммент. В. Крейд. - М.: Республика, 1994.

[2] Цит. по: «Минувшее». Исторический альманах. Париж, 1989, №8.

[3] Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Состав и коммент. В. Крейд. - М.: Республика, 1994.

[4] Бердяев А.Н. Самопознание (опыт философской автобиографии). - М.: Международные отношения, 1990. - 336 с.

[5] Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — С. 72.

[6] Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — С. 154-155.

[7] Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — С. 154-155.

[8] Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — С. 154-155.

[9] Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — С. 156-157.

[10] Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — С. 163.

[11] Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — С. 166-167.

[12] Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893—1919. — М.: Русская книга, 2003. — С. 190.

[13] Гиппиус З.Н. Стихи, воспоминания, документальная проза. Москва: Наше наследие, 1991.

Список использованной литературы

1. Богомолов Н.А. В зеркале "серебряного века": Русская поэзия начала XX века. - М.: О-во "Знание", 1990.
2. Гиппиус З.Н. Стихотворения. Проза. Екатеринбург, 2005.
3. Гиппиус З.Н. Стихи. Дневник, 1911 - 1921. - Берлин: Слово, 1922.
4. И. Гиппиус З.Н. Петербургские дневники (1914 – 1919). –Белград: Типография Раденковича, 1929.
5. Кричевская Ю.Р. Модернизм в русской литературе: эпоха Серебряного века. М. 1994.
6. Русские писатели. Библиографический словарь. - М.,1990.

Рекомендовано к публикации:

Н.В. Камеровой, кандидат исторических наук, доцент,

профессор Российской Академии Естествознания

гл. редактор журнала «Академия педагогических идей «НОВАЦИЯ»

Дата поступления в редакцию: 20.01.2016 г.

Опубликовано: 22.01.2016 г.

© Академия педагогических идей «Новация», электронный журнал, 2016

© Бартенева Т.А., 2016